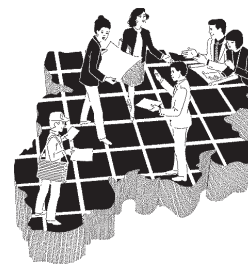

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ж. ЖЕРОНИМО

ВОЗВРАЩЕНИЕ “КРАСНОГО АТОМА”: НАЧАЛО “ТЕПЛОЙ ВОЙНЫ”?

Двойной геополитический шок вследствие исчезновения СССР и кризиса 11-го сентября усилил одностороннюю направленность политики всемирного господства США. Став “незаменимой нацией” благодаря обстоятельствам и силе вооружения, согласно выражению американского госсекретаря Мадлен Олбрайт, США заменили “духовное” главенство бывшего Советского Союза. Так исчезла мечта о многополярном мире после “холодной войны”.

Отныне американская сверхдержава, убежденная в том, что является единственным государством, способным навязать демократический мир на планетарном уровне, старается легализовать структуру идеологического доминирования, построенную, с одной стороны, на расширении либеральной демократии, а с другой — на милитаризации международных отношений. Путем инструментализации международных институтов она смогла навязать “силового фактор”, согласно выражению российского президента В. Путина, как регулятора геополитического равновесия. Будучи сторонницей восстановления международного равновесия во избежание вытеснения, Россия намерена продемонстрировать силу в противовес односторонним американским действиям, и таким способом символизировать возвращение на мировую арену. Цели новой стратегической доктрины, сформулированной в июне 2005 г. В. Путиным о ядерной угрозе, вписываются в эту логику.

СНГ как цель. Во имя “моральной ясности”, согласно выражению Дж. Буша в его выступлении 2 июня 2002 г. в Вест Пойнте, США стремятся создать “легитимное” господство в Евразии в целях стабилизации нового мирового порядка и во избежание возвращения русской власти на международную арену. Американская политика вмешательства в постсоветское пространство преследует, соответственно, цель разрушения влияния Москвы, которая вновь становится ее виртуальным врагом.

В этой схеме надо задаться вопросом о скрытой цели американской стратегии в СНГ. Эта зона, будучи политически нестабильной частью евразийского пространства, а также символом советского господства, с момента распада СССР 25 декабря 1991 г. характеризуется заметным снижением российской власти. Может ли этот спад рассматриваться Америкой как возможность, которую нельзя упустить? Более того, можно ли говорить о преднамеренной стратегии подавления русской власти в рамках антисоветских доктрин Кеннана в 1947 г.? В данном случае интересно наблюдать за стратегическим ответным

Жан ЖЕРОНИМО, доктор экономических наук, Гренобльский университет (Франция).

* Перевод с французского Чингиза Шампиева.

действием России в том месте, которое Москва считает своим историческим пространством, зоной под ее защитой и политическим влиянием. Нарастающая конфликтность в евразийской части постсоветского пространства между американской и русской силой является борьбой за влияние, подпитываемой империалистической логикой. Изначально эта логика объясняется желанием обоих государств расширить господство в целях предупреждения всевозможных угроз, а также для защиты национальных интересов. Во-первых, их идеологическое расширение соответствует логике самозащиты, имеющей целью нейтрализовать геополитическую неопределенность. Во-вторых, энергетические интересы оправдали наступательный характер этой логики.

Американская политика вмешательства в постсоветское пространство.

Согласно неконсервативной американской доктрине, радикальное вторжение США на постсоветское пространство означало бы одновременно унижительное поражение России на евразийской арене, а также расширение американского господства в этой стратегической зоне. Другими словами, такие действия США, помимо изменения главенства в регионе, окончательно утвердили бы американскую победу в “холодной войне”.

С этой точки зрения, дестабилизация Центральной Азии может иметь целью делигитимизацию российской власти, подозреваемой в неспособности управлять: для Вашингтона — кризис самосознания бывших союзных республик, частично связанный с неприспособленностью их политических и экономических структур, представляет неоспоримый удобный случай. Таким образом, США, не колеблясь, поддерживают порядки, враждебные российской власти, подпитывают националистические движения и финансируют научные, образовательные программы, в том числе и программы по вооружению. Также они не против “обхаживать” некоторые государства, заинтересованные в защите НАТО, в качестве освобождения от российского влияния. Помимо этого США имеют амбициозные намерения по поводу обеспечения своего энергоснабжения, способствуя, в политическом и финансовом плане, прохождению трубопроводов в обход российской территории. Не пытаются ли США таким лукавым способом установить определенную форму политической зависимости, усилив, в конечном счете, основы их власти в зоне, долгое время запретной?

Радикальная стратегия сдерживания*. Американская стратегия находится под влиянием, со времен конца “холодной войны”, доктрины З. Бжезинского, которая является радикализацией доктрин Кеннана о сдерживании влияния советской власти. Согласно З. Бжезинскому, новым стратегическим центром нового мира стал бы евразийский континент вследствие его тройного подъема: экономического, политического, а также военного. В настоящее время Евразия включает основную новоявленную мощь Китая, России, Индии и даже Европы и выступает как привилегированное пространство новой американско-русской биполярной борьбы.

Для США речь идет о блокировании русского “возвращения”, а также о замедлении ее политического и экономического, а значит, самоопределяющего возрождения, которое бы подвергло риску их национальные интересы. С этого момента федеральная Россия, считающаяся наследницей СССР, представляет для американского господства опасность замедленного действия. Снижение российской власти стало для них жизненно важной необходимостью, в то время как ученые, имеющие большое влияние на ориентацию американской стратегической доктрины со времен “холодной войны” (Кеннан, Киссинджер, Бжезинский), всегда настаивали на постоянности российской враждебности, что нечто вроде исторической неизбежности вне зависимости от политического строя (царского, советского, федерального). С американской неконсервативной точки зрения, русское “возвращение” рассматривается как неопределен-

*Речь идет об американской политике, рассчитанной на ограничение расширения коммунистического влияния во время “холодной войны”.

ный фактор и, в более долгосрочной перспективе, как катализатор геополитических дисбалансов.

Стратегическое изменение курса России. С точки зрения России, посткоммунистическое развитие, с одной стороны, отмечено возрастающей враждебностью США в ее же пространстве безопасности и, с другой — неблагоприятным направлением мирового управления. Вмешательство Запада в дела Югославии и других стран постсоветской зоны дали основание для стратегических ответных действий России. Более того, определенно для окончательной провокации, НАТО, интегрировав бывшие спутники СССР, проводит недалеко от российских границ неясные военные маневры в рамках Сотрудничества за мир. Естественно, это заставило Москву принять меры. Российская власть, пребывающая в стадии личностной реконструкции, с этого момента оповестила о своем возвращении вместе с ее приоритетным объектом — “Атомом”.

Данная реконструкция, в первую очередь, проходит через экономику. С 1999 г. подъем экономического роста явился катализатором ее международного возрождения, позволив, таким образом, увеличить мобилизуемый излишек для стратегических инвестиций и, в частности, для расширения военной мощи. Отныне это сильное государство (Г), которое может опираться на атомные (А) и энергетические (Э) ресурсы, и оно стремится вернуть власть, играя на демонстрации силы. Самоопределяющее возрождение России, таким образом, основывается на классических критериях советской власти: Государство, Атом, Энергетика (ГАЭ).

Это самоопределяющее возрождение России также реализуется путем возврата былого влияния на ближнем зарубежье, в частности, на кавказском и среднеазиатском пространстве, где ее конфронтация с США получила широкую огласку в связи с тройной целью: энергетической, националистической и стратегической. В этом контексте “война трубопроводов” ассоциируется с этно-религиозной нестабильностью и растущим западным давлением, а также борьбой за политическое главенство.

Так, постсоветская зона стала местом столкновения идеологически ориентированных стратегий, которые стремятся изменить курс развития истории.

Возвращение “военного Атома”. Возможно ли, что нынешнее использование Атома Россией, предназначенного для установления равновесия в противостоянии с американской властью, является всего лишь продолжением советской политики? Можно считать, что “красный Атом” является способом изменения ассиметричных отношений.

На самом деле российская стратегия международных отношений основывается на логике равновесия сил и ядерного сдерживания, а Атом входит как структурирующая переменная ее международного влияния. Речь идет о типичном советском видении “военного Атома” как вектора международной политики, которая лежит в основе выражения “красный Атом”. Это официально подтвердилось Концепцией национальной безопасности Российской Федерации, которая является с 2000 годов настоящей основой стратегической доктрины, отмечающей кардинальное изменение курса: *“Важнейшей задачей Российской Федерации является осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия, против России и ее союзников”*. Согласно стратегической Концепции, Россия своей *“адаптированной реакцией на угрозы”* (ядерные и неядерные), рассчитывает на предупредительное использование Атома. Она допускает необходимость сохранения ядерных возможностей, способных *“однозначно причинить умышленный вред”* для всех видов агрессий *“во всех условиях”*. Наконец, она допускает, что военно-промышленный комплекс *“играет важную роль в сохранении национальных интересов России”*, которые, несомненно, распространяются на всю территорию СНГ. Проект военной доктрины, представленный 20 января 2000 г. в Москве генералом армии М. Гареевым, президентом Академии военных наук РФ укрепляет эти тенденции.

Можно предположить, что имея историческую связь с бывшим положением СССР, Атом может показаться как регулятор самоопределения российской власти. В то же время он также представляется как ответ геополитической неизвестности в новых экономических (ускорение экономического роста) и стратегических (устаревшее традиционное вооружение) условиях. С этих пор Россия пытается развить гибкость Атома в предупредительном управлении конфликтами, чтобы усилить стратегические возможности одновременно в региональном и международном плане. По выражению Б. Ельцина, с 1996 г. это изменение направления проводится под наблюдением главы государства, согласно которому осуществление сдерживания требует *“сохранения ядерного потенциала”* на *“достаточном уровне”*, чтоб защитить свои *“жизненные интересы”*. Под руководством В. Путина с 2000 г. Россия пытается укрепить и рационализировать военную систему (в том числе ядерную) и в этих целях значительно увеличить военный бюджет. Модернизация российского арсенала усилилась в 2002 г. и на сегодняшний день ориентирована на развитие ядерных сил и быстрой реакции. Согласно официальным данным (соответственно, заниженным), это действие между 2005—2007 гг. привело к увеличению военного бюджета на 50 %, что составляет 5 % российского ВВП (по сравнению с 2 % европейских стран — участниц НАТО). Некоторые западные эксперты оценивают данный бюджет в два раза больше (10 % ВВП).

В символическом пространстве, где действуют советские нормы власти (ГАЭ), Атом обуславливает, таким образом, способность России принять наиболее важный геополитический вызов XXI в. В 2007 г. военная российская элита потребовала ужесточения российской стратегии по отношению к новым угрозам, в том числе американской политике вмешательства и растущей враждебности НАТО, необоснованное расширение которой видится как выражение *“холодной войны”*. С этих пор пересмотр этой стратегической доктрины, укрепляющей роль Атома, стал неизбежным. Россия теперь может на законном основании выступить против восточно-европейского расширения американской защитной зоны (противоракетного щита), которая нейтрализует политическую и сдерживающую функцию Атома и таким образом угрожает основе ее власти.

Мюнхенское предупреждение. Речь В. Путина, произнесенная в Мюнхене 10 февраля 2007 г., критикующая возникновение *“новых стен”* в международных отношениях, отражает это стратегическое изменение. По этому случаю президент открыто сожалел о *“неразорвавшихся снарядах”* *“холодной войны”* и об *“идеологических стереотипах [...], шаблонах блокового мышления”*. Россия почувствовала себя под прицелом, с одной стороны, из-за необоснованного расширения НАТО, рассматриваемого как *“серьезная провокация”*, а с другой — из-за несогласованного проведения противоракетного проекта АВМ. Глава русской дипломатии С. Лавров подтвердил 21 сентября 2007 г., что возвращение американского щита было бы *“угрозой”* для российской безопасности.

Таким образом, постсоветская история начала XXI в. отмечена возвращением центрального конфликта между двумя идеологическими *“врагами”* и сконцентрирована на борьбе за контроль Евразии. В своем структурном противостоянии американское и российское государства инструментализируют национализм, атом и энергетику в скрытой войне в центре постсоветского пространства. Эта обновленная и умеренная форма *“холодной войны”* может получить название *“теплой войны”*.

Многополярная мечта. В этой идеологической и неформальной борьбе между двумя державами, пытающимися вернуть главенство в мессианском духе и навязать их видение мира, главной целью является переустройство международного порядка. Согласно данной схеме, победитель этой начинающейся *“теплой войны”* и ориентация всемирного управления определяются контролем над евразийской постсоветской зоной. В мюнхенском предупреждении В. Путин это выразил ясно.